

- 1.
- 2.
- 3.
4. Аксаков С. Т.
5. Аленский *цветочек*
6. Вильнюс — *ис. русский драм. театр бытосской эрр*
7. режис. — *Эуфер В*
худ. — *Шретер И.*

МОСГОРСПРАВКА
Отдел газетных вырезок

1-я Бородинская ул., 19. Телефон: Г 1-46-66

Вырезка из газеты
МОЛОДЕЖЬ ЛИТВЫ

2 8 Я Н В 1954 от

Вильнюс Газета №

5 ТЕАТР

Русская сказка на театральной сцене

С нетерпением ждала детвора Вильнюса премьеры спектакля «Аленький цветочек», о которой давно извещали фиши и рекламные плакаты Вильнюсского русского драматического театра. Встреча с героями прекрасной, поэтической сказки Аксакова сулила ребятам множество волнующих переживаний, ярких впечатлений.

Надежды не обманули юных зрителей. Режиссер В. Эуфер, художник И. Шретер и артисты театра немало потрудились, чтобы создать красочный, живой спектакль.

Обаятельный образ красавицы Аленушки, девушки с добрым, отзывчивым сердцем, создала артистка Э. Быстрицкая. Горячие симпатии зрителей завоевывают старый гончар (артист Е. Марцевич) и добрая мудрая няня (артистка Ш. Яковлева). С хорошим теплым юмором играет артист Ф. Вишневецкий простодушного весельчака Антона, меткими сатирическими штрихами характеризует Капу, старшую сестру Аленушки, артистка И. Ривович. Но самая большая актерская удача выпала в этом спектакле, пожалуй, на долю артистки С. Лупекиной. В ее исполнении Фиса — жадная, злая, завистливая и глупая сестра. Лупекина создает живой образ, в ее игре много живости, непосредственности.

Артист А. Югов, исполняющий роль Бабы-яги, блеснул отличным актерским мастерством, богатой выдумкой. И все-таки его игре недостает той цельности, того единства замысла и исполнения, которыми отмечена работа Лупекиной. Безукоризненно проводит сцены, в которых Баба-яга выступает под личиной доброй няни. Артист в других сценах несколько приглушает сказочное звучание образа, злоупотребляя

бытовыми и комическими деталями.

Тот же недостаток присущ и игре артиста Б. Смельцова, который играл Лешего, причем недостаток этот усугубляется неудачным костюмом.

Отдельно нужно сказать и об игре артиста В. Крутка, выступающего в роли Чудища. Стараясь чисто внешними приемами создать образ благородного и страдающего героя, превращенного Бабой-ягой в страшное чудовище, актер потерпел репутационную неудачу. С напыщенным пафосом произносит он свои монологи, неистово мечется по сцене, театрально-трагическим жестом прикладывает руку к глазам, картинно падает в глубокий обморок. Все эти избыточные приемы, которые по мысли исполнителя должны изображать душевные терзания героя, передать нежность и силу его любви, приводят к совершенно неожиданным результатам: в данном случае получился не драматический, а скорее комический эффект.

Очень удачны декорации художника И. Шретера, особенно картины заколдованного леса. Однако пейзажи заднего плана (волшебный сад Малахитового дворца, вид на реку, открывающийся за домом гончара), несмотря на свою выразительность и живописность, кажутся слишком обычными, будничными и довольно резко контрастируют по стилю с остальным оформлением.

Обогащает спектакль музыка композитора А. Метнера, построенная на русских народных мелодиях.

Воображение больших и маленьких зрителей поражают «чудеса», совершающиеся на сцене: невидимые слуги исполняют каждое желание гончара и Аленушки, попавших в волшебный дворец; няня превра-

щается в птицу, а злая, страшная Баба-яга принимает вдруг облик доброй няни; добрый молодец, превращенный Бабой-ягой в Чудище, снова становится прекрасным юношей. Во все это вложено много труда, режиссерской выдумки, и дружные аплодисменты зрительного зала являются заслуженной наградой искусству постановщика и исполнителей. Но подчас молодому режиссеру В. Эуферу изменяют вкус и чувство такта. Только этим можно объяснить, например, странную, чтобы не сказать больше, и отнюдь не сказочную концовку с поцелуем под занавес. А ведь в такой постановке каждая непродуманная или фальшивая деталь сразу бросается в глаза и разрушает обаяние чудесной, необычной, подлинно сказочной атмосферы спектакля.

Удивляет и то, что театр весьма некритически подошел к тексту пьесы. Многим ли зрителям понятно, хотя бы, кто такие шиши, которых так боится Антон? А ведь спектакль не хитрожоп, его можно в подстрочном примечании или в скобках объяснить, что «шиши» — слово древнерусское и означает «разбойник», «грабитель».

Но в целом спектакль оставляет хорошее впечатление. Увлекательный, яркий, сказочный мир давно знакомых героев оживает на сцене; их поэтическая, благородная борьба за счастье волнует как юных, так и взрослых зрителей. А если зритель взволнован и в течение всего спектакля живет единой жизнью с полюбовавшимися ему героями, значит, театр поработал не напрасно.

Что же касается отдельных недостатков, то они вполне устранимы в процессе дальнейшей работы.

Б. ОШЕРОВ.